

ВОПРОСЫ ДИАЛОГА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

О. Кафкова

Пражская лингвистическая школа, выдвинув положение о языке как сложной системе, поставила перед лингвистикой задачу исследования частных функциональных разновидностей языка. Для чешской и русской лингвистики последнего времени характерно оживление интереса к вопросам разговорной речи¹, изучение которой важно не только для теоретического познания языка, но также для создания современной методики обучения иностранным языкам².

Кафедра русского и украинского языков философского факультета Карлова университета в Праге выдвинула в качестве одной из своих теоретических задач исследование русской устной речи, сосредоточив внимание в первую очередь на «высказываниях повседневной устной речи». Этот термин, соответствующий чешскому «běžně mluvené projevu», употребляется нами взамен термина «разговорная речь», нуждающегося в уточнении [1, 2, 3].

При всем разнообразии высказываний повседневной устной речи они характеризуются некоторыми общими структурными особенностями, обуславливаемыми их возникновением в одинаковой коммуникативной ситуации.

Особенности коммуникативной ситуации, на основании которой как тип выделяются высказывания повседневной устной речи, заключаются в следующем: 1) коммуникативный акт является двусторонним (контакт собеседников может быть прямым или опосредованным, например при телефонном разговоре); 2) коммуникативный акт осуществляется в условиях устной коммуникации, представляющей собой сложный процесс, в котором в большинстве случаев мысль и ее выражение рождаются почти одновременно; 3) коммуникативный акт связан с определенной ситуацией: проис-

ходит в определенном месте, в определенное время, в определенном языковом контексте и контексте событий неязыкового характера; 4) коммуникативный акт носит неофициальный характер, осуществляясь в условиях непринужденного общения (степень непринужденности зависит от отношений собеседников).

Названные факторы обуславливают специфическое построение высказываний повседневной устной речи. В них реализуются системные средства, часто меняющиеся в зависимости от сферы функционирования; сравните, например, речевые модификации в области синтаксиса: конструкции с вынесенным в начало членом, присоединительные конструкции, конструкции с элиминированными членами, вопросительные и повествовательные конструкции с особым порядком слов и т. п.³

Двусторонность коммуникативного акта находит свое выражение в диалогической форме речи, обладающей своими специфическими средствами. При этом наряду с языковыми средствами могут быть использованы и неязыковые (жесты, мимика), специфика устной коммуникации заключается в том, что мысль предвосхищается в речи без возможности ее обработки в плане содержания и в плане выражения: в лексике это ведет к ориентировке на «обыкновенные», отчасти автоматизированные средства, в синтаксисе — к особым модификациям синтаксических схем. Ситуативная прикрепленность дает возможность элиминировать компоненты, избыточные благодаря внешней ситуации и контексту, что создает условия для возникновения имплицитных и эллиптических конструкций. Неофициальность коммуникации позволяет шире использовать эмоциональные и волевые оттенки в высказывании, выражаемые постоянными экспрессивными средствами или лексическими и синтаксическими актуализациями.

Диалогическая форма создает сложную организацию высказываний. Ее особенности предопределяются не только характером коммуникативной ситуа-

¹ Подробную библиографию интересующих нас русских работ по разговорной речи приводит О. А. Лаптева [1].

² Необходимость освещения проблематики разговорной речи и для школьной практики выявилась и в дискуссии по вопросам разговорной речи, проходившей на страницах журнала «Русский язык в национальной школе» в 1965—1966 гг.

³ Мысль о необходимости исследования речевых модификатов в синтаксисе славянских языков была выдвинута на синтаксическом симпозиуме в Брно в 1966 г. [4].

ши, но и другими факторами, вытекающими из общих особенностей коммуникативного акта. Ниже мы попытаемся это показать. Диалог является формой интеракции двух или нескольких собеседников, обменивающихся репликами, представляющими собой стимулы к реакциям или реакции на стимулы, в результате чего говорящими создается определенный общий контекст. Для реплики, как единицы диалога⁴, характерна потенциальная смысловая соотнесенность с другой (предыдущей или последующей) репликой, по отношению к которой она может быть стимулом или реакцией. В определенной позиции (внутри диалогического сцепления) реплика может быть одновременно и реакцией, и стимулом. Например:

А.: Ты пойдешь в кино?

Б.: Что-то не хочется.

А.: А чего тебе хочется?

Реплика, однако, может соотноситься с другой репликой не полностью, а только в какой-то своей части. Сравните следующий отрывок из разговора⁵. А. отвечает на вопрос, какие были ее первые впечатления при посещении Праги:

А.: Ну в общем я была уже теоретически подготовлена к Праге. Знала что поеду так/всякие открытки смотрела/книжки о Праге читала/так общее такое представление имела/но конечно/такое отрывочное конечно/не представляла единый ансамбль этот вот Градчан например/и Малую Страну/я все представляла по отдельности/как-то так изолированно друг от друга. Ну а тут один из первых моих таких выходов в Прагу был Петржин.

Б. реагирует на последние слова:

Б.: Ну это ясно/это ясно. Я думаю что каждый даже из приезжих/о Петржине мог бы поэму целую рассказывать.

А. реагирует на реплику Б. и продолжает говорить о Праге:

А.: Да. Ну Петржин сам по себе конечно штука хорошая. Ну а потом прекрасно Прагу там видно. Ну была у меня подруга

⁴ Реплика выделяется на основании единства времени и говорящего, она лишена признака семантического единства (сравните отрывок из следующего диалога:

А.: Какой последний-то срок там был/ не помните?

Б.: Я не знаю.

// Выпейте немножко молока!). Реплика может представлять собой сложное семантическое целое, подлежащее сегментации с разных семантических точек зрения. О соотношении реплики и диалогического высказывания см. статью I. Samutaliová, C. Vošák [5].

⁵ Примеры приводятся из магнитофонных записей естественных разговоров, хранящихся в архиве кафедры русского и украинского языков философского факультета Карлова университета.

в Ленинграде так она говорила что/не зря Прагу называют Злата Прага. И действительно такое впечатление было...

Реплика распадается, таким образом, на сегменты, отличающиеся степенью соотнесенности с другой (предыдущей, последующей или той и другой) репликой. С точки зрения общего контекста, создаваемого комплексом реплик, возможно членение диалога в плане вертикальном, в котором устанавливаются смысловые взаимоотношения реплик в зависимости от их функции в диалоге: определяются реплики или их сегменты, выполняющие функцию стимулов к последующим реакциям. Необходимо, однако, проводить и членение в плане горизонтальном, устанавливающее смысловое взаимоотношение высказываний в рамках одной реплики. Семантический анализ в вертикальном плане служит определению семантических единиц, создаваемых в диалоге разными говорящими, в то время как анализ в горизонтальном плане следит за семантическим построением реплики одного говорящего: раскрывается смысловое ядро реплики, представляемое конкретным сегментом, по отношению к которому определяются смысловые функции остальных сегментов. Горизонтальное членение имеет смысл при большем объеме реплики; длина реплики имеет значение и для вертикального членения: чем реплика длиннее, тем чаще функцию стимула или реакции выполняет не вся реплика, а определенный ее сегмент.

Поскольку длина реплики оказывается фактом, тесно связанным с построением реплики, следует выяснить, какие факторы имеют на нее влияние.

Длина реплики зависит в определенной степени от соотношения интеллектуального, экспрессивного и аппелятивного моментов сообщения⁶. Реплики, содержащие аппеляцию (вопрос или приказание, побуждение и т. п.) или эмоциональную реакцию, обычно короче, чем реплики, в которых преобладает интеллектуальная основа. Сравните, например, реплику большой, которой врач говорит:

- Вы уже скоро поправитесь и будете работать.
- Какое счастье/я просто не знаю!

Другой пример взят из беседы о фильме; в месте, где спор становится взволнованным в силу расхождения мнений, реплики говорящих, особенно те, которые содержат экспрессивно окрашенную отрицательную оценку реплики собеседника, отличаются краткостью:

А.: Знаешь/вот мы привыкли/смотреть или вернее видеть фильмы только/выдержанные в одном стиле.

⁶ А. К. Соловьева, стараясь установить функционально-строевые особенности различных семантических типов диалога, также высказывает мысль о зависимости длины реплик от соотношения интеллектуального и экспрессивно-эмоционального моментов высказывания [6].

Б.: Ничего подобного.

А.: Нет/подожди/так послушать меня/так сказать/послушать-то можешь?

Б.: Могу конечно.

А.: Вот. В частности мы привыкли смотреть/и фильм там/и картины/и музыку там/и все что угодно/в один стиль. Реализм. Только реализм. Никаких отступлений. Ничего больше.

Б.: А что здесь? А здесь что?

А.: А здесь отступление вот.

Б.: Какое отступление? Какое?

Длина реплики зависит также от связи содержания реплики с внеязыковой действительностью, непосредственно окружающей говорящих или знакомой им из предыдущего опыта. Связь с внеязыковой действительностью, так же как и контекст, предшествующий данной реплике, способствует имплицитности выражения и, таким образом, оказывает влияние на длину реплики. Следовательно, реплики ситуативно-прикрепленные, как правило, короче, чем реплики, не имеющие прямого отношения к данной ситуации, как, например, реплики, содержащие рассказ о каком-нибудь событии, реплики, воспроизводящие чужую речь, разговор и т. д. Сравните отрывок из разговора за столом:

А.: Слушай ты сама пекла эти? (вопрос сопровождается показом на блюдо с пирогами).

Б.: Да-а.

А.: Очень вкусные.

Второй пример взят из разговора, в котором А. узнает, что ее искала мама, и выясняет, когда это было. Длинная реплика распадается в результате горизонтального членения на два равноценных сегмента, длина которых зависит от степени ситуативной прикрепленности:

А.: Ах/когда она приходила? Может—.

Б.: Вот я говорю/когда ты пошла? Нет/подожди/когда ты вышла/скажи.

А.: Я не помню/понимаешь/я теперь потеряла—.

Б.: Около двенадцати где-то там было/и мама твоя пришла. Она сначала по телефону снизу мне сказала/что это очень срочно. Я испугалась/думала что-нибудь случилось/я говорю/подождите/сейчас ее найду. Она говорит нет нет. Я говорю/ну я могу посмотреть в деканате. Она говорит/если можно/то пожалуйста. Ну я побежала/в деканат сначала заглянула/ходит там какая-то женщина/я побежала в деканат/и Л. П. спросила/говорю:/Ирину нашу не видела?/Она говорит: нет/не видела. Вот. Ну я полетела/поздоровалась так/говорю что/вы Ирину ищите/да? Ну ты на нее чуточку похожа/знаешь?

А.: Похожа?

Б.: Похожа/ага. Что-то в глазах общее есть.

А.: Но мама мало-то—.

Б.: Мало я видела ее.

Из зависимости объема реплики от контекста следует, что, например, ситуативно-прикрепленные реплики, вводящие новую тему в диалоге, обычно более эксплицитны, чем другие, следующие за ними.

Сравните:

А.: Подвиньте немножко стол ко мне/а то ничего не могу достать. Несчастье.

Б.: Девочки/вот я хотела спросить/потому что я здесь уже три года и в Союзе еще не была/а вы там по-моему бываете довольно часто—.

А.: Довольно часто (иронически).

Б.: Ну чаще чем я/теперь скажите мне/что и как/что можно везти/сколько денег переводят—.

А.: Ты хочешь чешские деньги переводить на русские?

Длина реплики также зависит от конкретности — абстрактности темы: чем тема конкретнее, тем вероятность встретить более короткую реплику больше. Действие фактора конкретности — абстрактности темы вступает до некоторой степени в конфликт с действием фактора ситуативной прикрепленности, как, например, в репликах, содержащих рассказ о каком-нибудь событии; действие первого фактора в таком случае нейтрализуется.

На длину реплики большое влияние оказывает также объем информации, зависящий от намерения говорящего. Реплика становится более длинной, если семантическое ядро реплики сопровождается уточняющими подробностями, пояснением, обоснованием и т. д. Пример взят из разговора об отпуске:

А.: Значит ты все время на севере был? А знаешь/как-то вот в следующее лето нам не хочется в Днепропетровск/нам и в этом году не очень хотелось. Просто родителей было жалко.

Б.: А как вы провели отпуск?

А.: Ну вот в Днепропетровске были. Ну что/на пляж ходили/больше ничего. Причем там очень далеко ведь от пляжа/вот что страшно неудобно. Ну вот. А ты знаешь/что хотим на следующий год что-нибудь такое сообразить/вроде туристской путевки на юг/интересно.

А.: А это отлично.

Все названные факторы, влияющие на длину реплики — соотношение интеллектуального, эмоционального и апеллятивного элементов, степень ситуативной прикрепленности, конкретность — абстрактность темы, объем информации, находятся в диалоге во взаимодействии, поддерживая или нейтрализуя друг друга. Основная диалогическая схема, представляющая собой репликовую пару с отношением стимул — реакция, заполняется и видоизменяется в зависимости от коммуникативной ситуации и целого коммуникативного акта, так же, как, например, заполняется и видоизменяется схема предложения в зависимости от цели высказывания. Большой объем характерен для определенного типа реплик [1] и, следовательно, для определенного типа диалога⁷.

⁷ Серьезная попытка разграничить разные типы диалога в связи с их тематикой, ситуативностью и взаимоотношениями говорящих сделана Я. Мукаровичевским [7].

Исследование длины реплики может способствовать раскрытию семантических особенностей разных типов диалога, подобно тому как исследование длины предложения способствует раскрытию семантико-стилистических особенностей разных типов высказываний [8].

Усвоение диалогической формы с методической точки зрения чрезвычайно важно; кроме того, на ее фоне можно уделять внимание другим структурным особенностям высказываний повседневной устной речи, в особенности — экспрессивно-эмоциональным актуализациям.

Для учебных целей можно поначалу ограничиться двумя схематическими типами диалога: 1) диалог с короткими, быстро чередующимися ситуативно-прикрепленными репликами, в котором широко представлены аппелятивные и экспрессивные моменты, т. е. диалог с выразительной диалогической динамикой; 2) с пространными репликами, не полностью, а лишь в сегментах соотносящимися в вертикальном плане и отличающимися сложными взаимоотношениями сегментов в горизонтальном плане, реплики этого типа лишены ситуативной прикрепленности, в них преобладает интеллектуальная основа и диалогическая динамика ослаблена.

В учебной практике первый тип диалога является основным: для усвоения диалогической формы важнее всего овладеть самыми типичными формами стимулирования и реагирования в данном языке. Итак, в предмет обучения должны войти те пары реплик, которые представляют своего рода стереотипные формулы для выражения определенных стимулов и реакций⁸, как, например, формы вопроса и соответствующего ответа с разными оттенками модальности; выражение согласия—несогласия с услышанным мнением; выражение удивления по поводу услышанного сообщения; формы предложения (побуждения к совместному действию) и соответствующие способы выражения согласия, несогласия, равнодушия, выражение контрпредложения и т. д. Разумеется, все эти типы стимулов и реакций преподаются и в экспрессивно-эмоциональных вариантах.

Второй тип диалога предполагает усвоение основных форм диалога первого типа; в предмет обучения должны войти разные способы дополнения основной информации, т. е. разные формы экспликации, формы изложения мысли, нарративные формы и т. д. Этим формам обычно уделяется внимание в письменной тренировке, однако даже беглое сравнение так называемых монологических реплик в естественном диалоге и монологов в письменном языке показывает, что разная коммуникативная ситуация предопределяет их существенную разницу.

⁸ В соответствии с этими требованиями построен курс русской разговорной практики *Mluvíte s přáteli* (Praha, 1965), составленный коллективом кафедры.

Устный характер коммуникации и двусторонность общения ведут к тому, что линия «монологической» реплики менее прямая и связанная: часты отступления от основной линии, в которых говорящий дает дополнительную информацию или непосредственно обращается к слушателю. Сравните отрывок из рассказа о спортивной карьере:

А.: Ну начал заниматься. А раз я пришел с Женькой/подошли к штанге/ну сколько ты думаешь/я в первый раз выжал/вог даже в первый самый подход/ни разу в глаза ее может быть не видал/ни разу до нее не дотрагивался/вог подошли—

Б.: Килограмм шестьдесят.

А.: Шестьдесят килограмм/с большим трудом. Сам весил тоже что-то шестьдесят один. Увидели это занимающиеся там/о/говорят/надо парня взять/ну это мне после рассказывали.

Важны клише и интонационные приемы, содействующие смысловому членению непрерывного потока говоримой речи и, таким образом, облегчающие ее восприятие (сравните, например, делимитативную функцию частиц — предложений *вог, ну вог*, следующих за интонационно законченным высказыванием), и способы продолжения основной линии рассказа (разные виды повторения стержневых членов высказывания или всего высказывания, предшествовавшего отступлению; клише, как, например: *Так вог о чем я говорю; Ну так о чем я хочу сказать; Так к чему я это хотела сказать; Короче говоря* и т. п.). Отличается и вся организация предложений в сложном сверхфразовом синтаксическом целом⁹. Недостаточная теоретическая разработка данной проблематики препятствует успешному решению методических вопросов.

Какими же должны быть формы подачи особенностей диалога первого и второго типов? Дать удовлетворительный ответ на этот вопрос пока нельзя, можно только рассказать о некоторых наших эмпирических данных. Кафедра русского и украинского языков философского факультета Карлова университета подготовила два экспериментальных курса по разговорной практике [12], направленных прежде всего на усвоение особенностей диалога первого типа. Однако аудио-визуальный курс содержит в исходном тексте и упражнениях также и элементы диалога второго типа, поэтому вкратце коснемся принципов его построения.

Серия картинок (13—15 диапозитивов), изображающая законченную микросторию, сопровождается сначала монологическим комментарием, концентрирующим внимание на развитии действия и содер-

⁹ Организации высказываний повседневной устной речи касается статья К. Кожевниковой [9]. О способах организации высказываний в текстах художественного и научного стилей см. статьи Z. Klemensiewicz [10] и V. Skalička [11].

жашем, таким образом, нарративные элементы; статический характер диапозитивов в сочетании с «репортажным» подходом вносит описательные элементы, содействующие включению разного рода экспликаций. Объективный ход событий часто комментируется каким-нибудь субъективным замечанием со стороны, передающим эмоциональную атмосферу происшествия. В дальнейшем те же картинки сопровождаются диалогическим текстом, реплики которого отличаются большой ситуативной прикрепленностью. В большинстве случаев реплики образуют микродиалоги с выразительной диалогической динамикой: ситуативно прикрепленные и окрашенные экспрессивно реплики коротки и быстро чередуются. Оба комментария (монологический и диалогический) тесно взаимосвязаны: то, что в первой части описано и прокомментировано эксплицитно в формах косвенной речи, во второй части имплицитно выражается в формах прямой речи. Монологический комментарий содержит некоторые приемы развития «монологических» реплик, но главное внимание уделяется формам диалога первого типа. Сопоставление монологического и диалогического комментариев, соотношенных с одной и той же действительностью, кажется нам целесообразным началом работы над формами второго типа диалога.

В качестве примера приведем несколько комментариев к серии картинок «Хорошенькое воскресенье», которая связана с темой «Труд и отдых»:

1. У Елены Павловой сегодня тяжелый день. Она только что вернулась из магазинов и не знает, за что раньше взяться. С чего начать? У нее масса дел.

Е. П.: Как много работы! С чего начать? Приняться за стирку белья или за посуду? А когда же я выглажу кофту и рубашку? До отъезда я вряд ли успею. Ведь на

Ей нужно вымыть посуду, убрать кухню, выстирать белье, выгладить кофту и рубашку. Сколько дел у домашней хозяйки! Сегодня она должна поторопиться, а то вечером они с мужем не успеют уехать на дачу.

2. В четыре часа возвращается домой Тania. Она, конечно, должна помочь маме. Ее обязанность — почистить туфли и повесить белье. А ковер должен выбить Юра. Это же настоящая мужская работа.

3. Как и можно было ожидать, Тania с Юрой утром проспала и примчались на вокзал в последнюю минуту перед отходом поезда. Едва они успели вскочить в вагон, как поезд тронулся. А вот этому молодому человеку вряд ли удастся догнать поезд.

Диалогическая форма высказываний повседневной устной речи должна стать предметом глубокого изучения. Диалог, конечно, не исчерпывает всю проблематику высказываний повседневной устной речи, но изучение особенностей его построения может содействовать более глубокому описанию этих высказываний, что является необходимой предпосылкой для решения методических вопросов, связанных с внедрением разговорной речи в обучение иностранному языку.

дачу мы решили поехать засветло.

Т.: Уже четыре часа. Мне нужно помочь маме. Сначала я почищу туфли, потом могу повесить белье, а ковер пусть выбьет Юра. Это не женское дело!

Ю.: Как хорошо, что мы еще успели на поезд. Честно говоря, я не ожидал!

Т.: Посмотрите на этого беднягу. Он уже не успеет догнать поезд.

Ю.: Дружище, надо было встать пораньше!

Литература

1. Далева О. А. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет. Вопросы языкознания, 1967, № 1, стр. 129—139.— 2. Винокур Т. Г. К характеристике понятия «разговорная речь». Русский язык в национальной школе, 1965, № 2, стр. 20—25.— 3. Кожевникова К., Кафкова О. Лингвистическая и педагогическая проблематика разговорного стиля. Русский язык в национальной школе, 1966, № 2, стр. 18—25.— 4. Материалы к симпозиуму «Strukturní typy slovanské věty a jejich vývoj». Brno, 1966.— 5. Samuřaliová I., Bosák C. K výstavbě dialogu. Slovo a slovesnost, 1967, N. 3.— 6. Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах диалога. Вопросы языкознания, 1965,

№ 6, стр. 103—110.— 7. Мукаржовский Я. Dialog a monolog. Kapitoly ze současné poetiky. I. Praha, 1948, S. 129—153.— 8. Лесский Г. А. О зависимости между размером предложения и характером текста. Вопросы языкознания, 1963, № 3, стр. 92—112.— 9. Кожевникова К. Některé vztahy obsahové a výrazové výstavby nepřipravených mluvených projevů. Slavica Pragensia.— 10. Klemente sje wisz Z. O syntaktyčnym stosunku nawiazania. Slavia II (1949—1950), S. 13—17.— 11. Skalická V. Syntax promluvy (enunciace). Slovo a slovesnost 21 (1960), N. 4, S. 241—249.— 12. Audiovizuální kurs ruské konverzace I (D. Brčáková, O. Kařková, K. Koževniková, I. Krjukova), SPN, 1966.